

ВАЛЕРИЯ ЛИХНИЦКАЯ

Хилер особого назначения

КНИГА 1



Валерия Лихницкая

**Хилер особого
назначения. Книга 1**

«Издательские решения»

Лихницкая В.

Хилер особого назначения. Книга 1 / В. Лихницкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747150-7

«Я не псих... Я не псих...» — убеждает себя герой романа. В этом же убеждает себя и автор. Роман-эксперимент. Здесь есть что-то от детектива, от комикса, от боевика и от пародии — на разные жанры, а также на всю нашу жизнь. Главный герой — хирург с необычным даром, который попадает в нестандартные ситуации. Что из этого происходит наяву, а что — в фантазиях героя, не всегда понятно даже автору. Роман пишется постфактум, то есть сначала автор его пишет, потом читает. Не окончен (в процессе).

ISBN 978-5-44-747150-7

© Лихницкая В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Хилер особого назначения

Книга 1

Валерия Лихницкая

© Валерия Лихницкая, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Я не псих... – голос пляшущегося на меня придурок звучал нервно и неубедительно. Придуток дико таращился, держа руки на уровне лица ладонями к себе и потрясая растопыренными пальцами.

– Я не псих... – глаза у парня горели тем самым огнем, о котором очень красиво пишут в книгах, но в жизни это выглядит отвратительно. Безумие вообще непривлекательно. Если видишь парня с такими глазами, будь готов к тому, что он в любой момент может или броситься на тебя с целью перегрызть горло, или же просто начнет пускать слюни и рисовать зеленых человечков на любой более-менее подходящей поверхности.

– Я не псих! – под глазами круги, лицо бледное, руки трясутся. Голос сиплый, пульс повышенный, дыхание неровное. Типичный пациент психиатрической лечебницы. Не надо быть диагностом, чтобы это понять. Пора уже прекратить эти глупые переговоры и признать невменяемость пациента...

– Нет... Я псих, – обреченно согласился придурок, опуская руки.

А потом признаться самому себе в том, что этот придурок – я сам.

Я отвернулся от зеркала.

Опустил руки.

На душе было гадко и противно, в голове шумело, к горлу подступало что-то нехорошее. Это от нервов. Или потому что кофе и сигареты – не лучший рацион. Не мешало бы сегодня, наконец, уже съесть что-нибудь, вечер все-таки... Или уже утро? 6:30. Утро. Как-то быстро ночь пролетела...

Я запустил руку в карман, чтобы взять перчатки... Таблетки сами прыгнули мне в руку, дрожа от вожделения... Или у меня просто руки трясутся... Скорее всего, так и есть. И скорее всего, таблетки – это не совсем та еда, которую необходимо бросить в истосковавшийся по нормальной пище желудок. Но зато они помогают от нервов. Хотя бы на время...

Дзыынь!

Звонит телефон.

Дзыынь!

Хватаю телефон, забыв о том, что в этой руке уже лежит пузырек с таблетками.

Дзыынь!

Телефон, разумеется, падает и, не выдерживая столкновения с кафельным полом, разлетается на составные части – очень хотелось бы надеяться, поддающиеся сборке.

Дзыынь!

Это уже не телефон, это таблетки – забыв о том, что в руке лежит *открытый* пузырек, взмахивая руками, пытаюсь подхватить летящий телефон, пузырек делает сальто и прыгает в раковину. Два удара сливаются в один. Таблетки рассыпаются и, прежде чем я успеваю сообщить, что случилось, исчезают в недрах водопровода.

– %%%!! – восклицаю я.

Теперь я без телефона, без таблеток и вообще без достойного человеческого облика. А между тем 6:30 утра. День только начался...

– Алекс, ты чего тут вопишь с утра?

Моя сестра говорит, что я ей напоминаю ее кота – он когда удивляется, подпрыгивает на месте на всех четырех лапах. Хорошо, что я так не умею – а то бы пробил головой потолок. Ну может, пробить бы и не пробил, но сотрясение бы заработал. Или вообще снес бы себе полчерепа... Или не себе – если б был чуть поагрессивнее.

Потому что то, что я увидел, мало походило на человека, вернее – на живого человека. Скелет, оплетенный мышцами, сквозь которые просвечивают внутренности, органично смот-

рится на занятиях по анатомии, но никак не в служебном туалете. А если этот скелет не просто заходит в помещение, а неожиданно оказывается у тебя за спиной, бросая дурацкую реплику – тут даже у человека с нормальной психикой возможна неадекватная реакция. Одно «но». К человеку с нормальной психикой скелеты не подкрадываются.

Ну хорошо, допустим, это не скелет, уговорили, но тем не менее!

Мне вот интересно, о чем думает человек, незаметно подкрадываясь к психически неуравновешенному типу, да еще и в момент припадка?!

Надо сказать, я все же молодец. Я не заорал и даже не бросился на него – я ж не Мила Йовович, в конце-то концов, с голыми руками на нежить кидаться... Да к тому же, она кидалась не с голыми, а это не нежить. Просто сотрудник – нормальный человек из плоти и крови, довольный собой и жизнью – и это в такую-то рань! – и просто напрочь лишенный инстинкта самосохранения.

Примерно это я ему и сказал – что если человек вопит в 6:30 утра без видимой причины, не стоит к нему неожиданно подкрадываться, а то так удар хватить может, и еще неизвестно кого именно.

Скелет заржал. Очень смешно. Конечно. Я б наверное тоже не удержался. С утра человек остался без телефона, таблеток и проблесков разума. В начале рабочего дня. Обхохочешься. Кстати, вот теперь еще надо поломать голову над тем, кто мне звонил – а то голова у меня сегодня с утра недостаточно сломана!

А если серьезно – на самом деле, кому в 6:30 может понадобиться человек, которого и в нормальное-то время мало кто терпит?

– Дай мне свой телефон, – повернулся я к скелету.

Он опять заржал. Вот что я сейчас смешного сказал?!

– Ты сейчас на Терминатора похож, – попытался объяснить он причину своего неумного веселья. – «Мне нужна твоя одежда!»

– Одежда твоя мне даром не нужна, – раздраженно перебил его я. – Она инфицирована.

– Чего?! – он наконец-то перестал ржать. Ну хоть что-то хорошее за сегодня!

– Да ничего. С утра такая довольная рожа у человека может быть только по двум причинам – он либо под наркотой, либо у него был офигительный секс. Наркотики я исключаю, значит второе. Правда насчет офигительного, может, я и погорячился – тогда бы ты просто не пришел на работу не то что с утра, а вообще в ближайшие три дня, но... скажем так, тебе понравилось. А так как постоянной девушки у тебя нет, вероятно, это была проститутка. На дорогую тебе денег жалко будет, но вкус у тебя хоть какой-то, да имеется – то есть, соотношение цены и качества в твоём случае это не страшная, но сертифицированная, а красивая, но без справки. Дальше продолжать?

– Алекс, – отчеканил мой утренний кошмар, – тебе кто-нибудь говорил, что ты мудак?

– Сто раз на день, – отмахнулся я. – Да ладно, я пошутил. Нет у тебя никакой заразы.

– Точно? – недоверчиво повел лицевыми мышцами скелет, упорно отказываясь принимать человеческий облик.

– Да я откуда знаю? – фыркнул я. – Я тебе что, венеролог?

– Алекс, я тебя когда-нибудь вскрою, честное слово!

– Не вскроешь, я слишком ценный экспонат. Так дай телефон.

– Ну ты и мудак! – но телефон все-таки дал. Хороший он парень все-таки... Черт, как же его зовут?

– А вот печень проверь, – посоветовал я. – У тебя на ней пятна.

– А это ты как определил? – недоверчиво хмыкнул хороший парень. – Перегаром от меня не несет, белки не желтые...

– В диагностики идти не пробовал? Садись, пять! В мед поступишь без экзаменов.

– Алекс, иди в...

– А ты – проверять печень.

– Ну с чего ты...

– Гороскоп твой слушал по радио – вспышки аномальной половой активности и пятна на печени. Черт, у тебя что, телефон не работает?

– Не-а, – осклабился он.

– А сразу сказать не мог?

– А ты не спрашивал.

И я после этого мудак!

– Э, ты аккуратней, а то и мой разобьешь! – он очень вовремя отобрал у меня телефон, а то бы так и случилось, руки у меня тряслись, как будто я неделю без перерыва на сон и обед работал дефибриллятором.

Но вот беда – отобрал-то вовремя, а вот за руку меня хватать не следовало. Особенно когда я без перчаток. Впрочем, сам виноват – мог бы и надеть. Хотя нет, не мог – умываться в перчатках – это даже для меня сильно. А я здесь именно умывался. Пока не начал сам с собой разговаривать.

Одно прикосновение – и облик хорошего парня, только-только начинавшего походить на человека, размылся, явив моему больному зору анатомическое пособие во всех подробностях. По жилам текла кровь, в желудке klokотал наспех проглоченный завтрак, в печени... Нет, с печенью действительно надо что-то делать.

– Алекс, ты в порядке?

Нет, ну не debil?!

– Да, черт возьми, я в порядке! – взорвался я, искренне надеясь, что кто-нибудь положит конец этому безумию. – Именно поэтому я стою в 6:30 утра в служебном туалете, бью телефоны, разбрасываю таблетки и ору, как потерпевший, без видимой причины!!!

– Тихо, тихо... – вот теперь он, кажется, всерьез забеспокоился.

– Тихо?! Да я вел бы себя тихо, если б меня никто не трогал! Какого ты меня за руки хватал?! Я тебе что, баба что ли, меня лапать?! – господи, он догадается меня вырубить или нет?!

– Алекс, успокойся!

Я разразился потоком самой нецензурной брани. «Успокойся!» Можно подумать, если б я мог успокоиться, я б этого не сделал. Хотя кое-то сделать все-таки можно.

– Быстро в душ его, пока он себе голову не разбил!

О, ну наконец-то, хоть у кого-то с утра голова нормально работает!

– За руки только не трогай его!

У кого-то голова просто отлично работает!

На мою несчастную голову обрушился тропический ливень. Только холодный. И не только на голову. Я трясся под душем, боясь открыть глаза, чтобы не увидеть очередное порождение своей нездоровой психики и думал, какого черта я не ушел вчера домой пораньше.

– Алекс, ты меня слышишь?

Какой у нее все-таки приятный голос. Интересно, а она действительно здесь? В 6:30 утра? Или это просто галлюцинация?

– Кивни, если слышишь!

Я кивнул.

– Мне надо посмотреть твои зрачки. Открой глаза... Так, понятно... Я коснусь тебя, чтобы приподнять веко, не дергайся. Я в перчатках. Готов?

– Я сам...

– Вот умничка...

Какой у нее голос! Вот почему она в жизни так не разговаривает?!

– Доктор, я люблю вас и хочу от вас ребенка! – прохрипел я.
– Галоперидолу? – любезно предложила доктор, светя фонариком мне прямо в глаз.
– Нет, ребенка! Если б захотел галоперидола, так бы и сказал: «Доктор, я хочу от вас галоперидола!»

– Я сейчас принесу, – откликнулся обладатель замутненной печени.
– И два виски, пожалуйста. Для романтики.
– Не рановато для виски? – усмехнулась женщина.
– А для галоперидола, думаешь, нормально?
– Не надо ничего нести. Он в порядке, – Она поднялась на ноги, опять заговорив своим строгим и ни капли не сексуальным голосом.

– А вы нет, – почему-то обиделся я. – Женщина, вам к психиатру надо. Бегать в 6:30 утра с фонариком по мужским туалетам и шприцем угрожать – вы хотите сказать, что это нормальная модель поведения для женщины в самом, что ни на есть детородном возрасте?

– Я же говорю, он в порядке, – вздохнула женщина. – Но если еще посидит на холодном кафеле в мокрой одежде, будет не в порядке. По крайней мере, та его часть, что может пригодиться женщинам детородного возраста. Я сейчас принесу полотенце и что-нибудь ему накинуть, и ты забереешь его к себе.

– Я?! – возмутился голос – на лицо его я не смотрел, закрыв глаза, как только тетя доктор прекратила играть в Гестапо. – Я не хочу его к себе забирать!

– Справедливо! – горячо поддержал его я. – Я тоже не хочу, чтобы он меня к себе забирал! Хочу остаться с мамой!

Она не выдержала и принялась материть нас обоих – за что, непонятно. Но ругалась она очень сексуально. Вообще я считаю, что женщинам не идет грубость, но некоторые умеют так ругаться, что...

– Слушай, а давай мы этого лося вообще выгоним? – предложил я. – Смотри – ты, я, раннее утро, душ, ролевые игры типа садо-мазо – в доктора, гестапо, строгую мамочку, матерящую стерву – тебе не кажется, что он здесь лишний?

– Алекс, когда-нибудь я тебя убью, – выдохнула она. Кажется, успокоилась.

– Согласен. Только давай в качестве орудия убийства ты выберешь не простатит и не пневмонию – тут сквозняк, между прочим.

Она издала какой-то не очень членораздельный звук и зацокала каблучками по направлению к выходу.

– Поздравляю, – я постарался придать голосу как можно больше искренности и как можно меньше сарказма. Получилось, правда, вообще непонятно что – зубы так стучали от холода, что интонацию донести не удалось, удивляюсь, как он вообще что-то понял.

– С чем? – насторожился он.

– Слушай, может, я и мудак, но не идиот, – нет, все-таки не получается у меня искренне говорить хорошие вещи. – 6:30 утра. Ты здесь и она здесь. У вас обоих никаких срочных дел на сегодня нет. Надо быть полным дебилом, чтобы решить, что вы просто так, случайно, не сговариваясь, решили пораньше придти. Тем более насчет тебя я уже выдвинул предположение, что у тебя был секс. Мне было только непонятно, почему ты так рано пришел. Да просто потому что не уходил. И она тоже. Так что поздравляю!

– Почему мне хочется тебя утопить? – дружелюбно спросил он.

– Потому что ты видишь во мне конкурента. Но не переживай. Я не люблю садо-мазо, а она не любит психов. Так что забирай себе эту озабоченную стерву, а мне принеси одежду и таблетки. Такой раздел имущества тебя устроит?

Он возмущенно засопел. Выражения его лица я не видел, все еще не рискуя открывать глаза.

– А все-таки ты Терминатор, – вне всякой связи с разговором брякнул он.

– В смысле, такой же убийственно сексуальный?

– В смысле, «мне нужна твоя одежда»...

Я приснул. То есть, не то чтобы засмеялся, но впервые за весь этот долгий день меня, кажется, начало отпускать. Даже смешок получился не очень нервным. Ну, нервным, конечно, но не истеричным.

Я даже позволил себе открыть глаза. Передо мной маячило нормальное лицо нормального парня, сквозь кожу уже ничто не просвечивало. Я пошарил по карманам мокрого насквозь пиджака и, наконец, извлек оттуда перчатки. Они, правда, тоже были мокрые...

– Алекс, не дури, – он что, правда обо мне беспокоится? Ничего себе! – Раздевайся и становись под душ. Под горячий. Перчатки пока резиновые поносишь, у меня есть.

– Отлично, – кивнул я. – Это будет моим маскарадным костюмом на сегодня. Чтобы у тех, кто считает меня определенным резиновым изделием контрацепции, все сомнения отпали.

– Алекс, раздевайся!

– А музыку?

Он зарычал.

– Слушай, я не знаю, на каких колесах ты сидишь, но мне они тоже понадобятся – потому что с тобой без транквилизаторов общаться невозможно!

– Отличная идея! – одобрил я. – Сбегай в аптеку, прикупи себе... сейчас я напишу, чего и сколько, и возьми на мою долю... У меня как раз все кончилось.

– Так ты поэтому здесь? – начал догадываться он.

– Нет, %%%%, просто так!!! У меня вообще привычка с утра пугать общественные туалеты!

– Тихо, тихо, не заводись! – не знаю, как туалет, а парень точно испугался. – А ты чего не в своем кабинете?

Десять минут назад я бы истерически заржал. Двадцать минут назад пробил бы кому-нибудь голову – себе или ему. Но сейчас меня уже ни на что из этого не хватило.

– У меня замок сломался, – устало выдохнул я. – Рабочие придут к 10. У меня была мысль вызвать спасателей, но я от нее отказался. Теперь вижу, что зря.

– В следующий раз сразу мне говори, – посоветовал... черт возьми, как же его зовут?! – я или сам починю, или спасателей вызову.

– Говорю. Чини или вызывай.

– Фиг тебе. Сегодняшнее утро ты мне уже испортил.

– Зато у тебя есть шанс этим ограничиться, – я все-таки сделал попытку освободиться от пиджака, – или я испорчу тебе весь день. Ты не забыл, что я теперь твой подопечный?

– Нет, – скрипнул он зубами.

– Тогда отлично. Начинай меня развлекать. Папа, я хочу в цирк!

Он неистово завращал белками и... начал меня распутывать. При этом он приговаривал:

– Твою же мать, нас всех уволят!

– Не всех, только тебя и меня, – возразил я. – Она отмажется. Хотя нет. Только тебя. Я тоже отмажусь.

Не успел он ничего возразить, как застучали каблучки, и его возмущение повисло в воздухе, сразу же утратив свою значимость. Мне почему-то это напомнило пафосные транспаранты с громкими лозунгами – во время акции протеста за ними идет народ, они выражают гражданскую позицию, призывают к чему-то важному и даже великому... Но вот акция заканчивается, все расходятся по домам, и транспаранты попросту забывают. Наутро их собирает дворник, на них гадят голуби, и то, что вчера вдохновляло толпы, вознамерившиеся перевернуть мир, сегодня выглядит глупо и нелепо...

– Вы еще здесь?! – от звука ее голоса цепь моих размышлений дзынькнула и рассыпалась на звенья, не поддающиеся сборке, прямо как некоторое время назад – злосчастный телефон.

– А где нам еще быть? – не понял я. – Конечно, я произвожу впечатление эксцентричной личности, но не настолько, чтобы бегать по больнице голышом.

– Ты даже не разделся!

– Я стесняюсь, – возразил я. – А вдруг кто зайдет? Ты не подумала, на что ты нас толкаешь? Премилая картина – я голый в душе и он, снимающий с меня одежду. И это рано утром. А туалет, между прочим, служебный! То есть, зайти сюда может любой сотрудник. Нет, ну ладно я, мою репутацию мало что может испортить, но ему еще здесь работать! А после этого ему не то что уволиться, ему застрелиться придется!

Она издала какой-то звук, напоминающий нечто среднее между рычанием и стоном.

– Алекс, не испытывай мое терпение! – зашипела она. – Раздевайся, вытирайся и надевай вот это!

Это «вот это» так странно прозвучало, что я сделал над собой усилие и размежил веки. «Вот это» оказалось больничной пижамой, висящей на... спинке инвалидного кресла.

– А вы мне что, ноги отпилить собираетесь? – с искренним любопытством спросил я.

– Нет. Голову!

– Не, без головы я некрасивый. Да и работать будет неудобно. Я не согласен.

– Алекс, ты что, издеваешься?! – завопила она. – Из-за тебя нас всех уволят к чертовой матери!

– Ладно, ладно, не ори, у меня и так голова раскалывается... А это может спровоцировать новый припадок. Девушка, вы как вообще учились? У вас что по психозам было? С психами надо деликатно...

– Я пошла за галоперидолом...

– Все, намек понял, раздеваюсь.

Раздеться у меня получилось, правда не очень быстро и не без ее помощи. Правда, я обязал ее надеть перчатки, так что думаю, что мой сегодняшний «папа» не превратится в ревнивого Хозе или Отелло. Она тщательно меня вытерла, а потом напялила на меня больничную робу и зачем-то усадила в кресло.

– Я вообще-то могу ходить, – на всякий случай уточнил я.

– А мне не надо, чтоб ты ходил, – процедила она сквозь зубы, фиксируя мои руки на подлокотниках кожаными ремнями. – Мне надо, чтобы ты как можно быстрее оказался в его кабинете.

– О, группен секс? Садо-мазо? Гуд, гуд! – оживился я.

– Все, я больше не могу! – покачала она головой, извлекая из сумочки шприц.

– А больше и не надо! Тетенька, я буду хорошо себя вести, честно-честно! Только не колите, я уколов боюсь!

– Не бойся, это совсем не страшно...

– Это как уснешь, я знаю. А еще я от страха писаюсь!

Ее глаза опасно сузились.

– Так, стоп! – выкрикнул я, поняв, что еще чуть-чуть, и меня уже никто не услышит. – Пошутили и будет. Убери шприц, я в порядке.

Вздых облегчения. Это он, ее простодушный любовник. Все-таки неплохой он парень, надо его как-то уговорить на лечение, пока еще все поправимо.

– Как меня зовут? – а это она, недоверчивая и расчетливая стерва. Вот уж точно, противоположности притягиваются... – Как меня зовут, Алекс? – повторила она.

Черт, ну вот не могла что-нибудь другое спросить? Какой сегодня день или что я ел на ужин... Нет, вот надо было спросить свое имя... Ну что за женский эгоизм?! А может, у меня на имена память плохая? А может, я социопат? А может, я вообще считаю необходимым запоминать имена только близких людей? А ее к этому кругу не отношу? Да у нас такое количество народу работает, я не то что по имени, я и в лицо большую часть не знаю. Но ува-

жающая себя женщина почему-то уверена, что ее имя должны помнить все, даже если она всего лишь уборщица.

Я нахмурился.

– Ладно, – пошла на уступку она. – Допустим, ты меня сознательно игнорируешь. Как его зовут?

– Даже если я не отвечу, галоперидол тут не поможет, – предупредил я.

– Если ты не ответишь, это будет значить, что...

– Что я устал и мне надо выспаться, – отрезал я. – Я не спал трое суток, и не из-за какой-то блажи, а из-за работы. А работа у меня нервная и напряженная. А эти трое суток она была сверхнервная, сверхнапряженная, да еще и сверхсрочная. И теперь у меня банальное переутомление и нервный срыв. Лечится парой таблеток успокоительного или снотворного. И собственно сном. Мы бы с вами и не встретились, если бы у меня замок в кабинете не сломался... Я бы сейчас уже спал давно... А так я спустился сюда умыться и, простите за подробности, нужду справить. А потом собирался найти свободную койку и поспать. И так бы и было, если бы не вы со своей... заботой о ближнем... А вы мне тут устроили... Святую Инквизицию... – меня опять затрясло. Если так будет продолжаться, то еще чуть-чуть, и мне действительно понадобится галоперидол, не зря же она им размахивает все утро...

– Алекс, успокойся, – только не говорите, что у нее совесть проснулась! Голос такой нежный и... черт возьми, виноватый! – Ты сейчас выпишься и все будет хорошо. А когда проснешься...

– Меня уволят, я знаю.

– Не говори глупости, кто тебя уволит? – фыркнула она так, как будто я действительно ляпнул что-то на редкость идиотское. – Ну вот, я уже забыла, что хотела сказать!

– Да все равно, говори что-нибудь, только таким вот голосом!

Она что-то пробурчала, кажется, снова матерное. Лица ее я не видел – мое кресло несло по коридору со скоростью паралимпийского гонщика, и управлял этим «болидом» не я. Кто из этой парочки сластолюбцев был пилотом, а кто штурманом, я не понял, но скорость они развивали вполне приличную. Вот хватает же людям сил после бессонной ночи!

– Ой, слушайте, мне пришла в голову идея!

– Алекс, заткнись, – пробурчал парень.

– Да не, правда! Я придумал название для команды колясочников в паралимпийских гонках. Ай-болид! Ну скажи, круто, да?

– Круто.

– А еще, – не унимался я, – так можно назвать сами коляски участников. А еще можно сделать портал медицинский и назвать его Ай-болит. Ну, не банально, а круто так, iBolit, латиницей. Или...

– Алекс!

– А что, хороший же креатив...

– Алекс!!!

– Все, молчу, молчу!

– Так, вези его сам, – внезапно сдалась железная леди, – а я быстро сбегаю за его таблетками, или это никогда не закончится!

– Отличная идея! – поддержал ее я.

– Алекс, заткнись! – хором и практически в унисон.

– Как трогательно... – я соорудил умильную физиономию. – Вы теперь все будете делать вместе?

Она развернулась на каблучках и умчалась по прямой кишке длинного и слабоосвещенного коридора. Он стоял и смотрел ей вслед, как скрывающемуся в тоннеле поезду.

– Зря ты с ней связался, – покачал я головой. – Добром это не кончится.

– Вот от кого я меньше всего хочу услышать совета, – возмутился он, срываясь с места, – так это от тебя!

– И очень зря, – флегматично заметил я, не обращая внимания на то, что он вез кресло так, что оно скрипело и трещало, вызывая к человеческому милосердию.

Но он был непреклонен.

Я тоже.

– Она высосет из тебя все соки, разрушит твой мозг и сожрет твою печень, – констатировал я. – И это не метафора.

– Алекс, заткнись.

– Она тебе не подходит.

– Не твоё дело!

– Мое! – возразил я. – Потому если сейчас, говоря «она тебе не подходит», я имею в виду женщину, то потом этот вопрос мне придется поднимать по поводу донорской печени для одного идиота.

– Ну почему?!

– Да потому что вы разбежитесь и ты забухаешь. Ну или хотя бы один раз напьешься. И твоя печень накроется.

– Да с чего ты взял?!

– Что именно?

– Да... Все!

– Вы с ней друг другу не подходите – по крайней мере, физически. Если вы всю ночь предавались оргиям, непонятно, почему это видно только по тебе. У нее пульс спокойный, давление в норме и никакого адреналина в крови. Вот когда вы меня в душ совали, у нее все подскочило – это с перепугу и от неожиданности. Но до этого все выглядело так, как будто она весь вечер смотрела кулинарное шоу и спать легла в девять вечера. Я не говорю, что ей не понравилось, просто у нее такой темперамент. Дальше продолжать?

– То есть, из-за этого мы разбежимся?

– Рано или поздно. Причем, скорее рано, чем поздно. И инициатором будет она. А ты напьешься и...

– И у меня откажет печень, я понял. Только это с какого пня?

– Потому что она у тебя уже сейчас не в порядке. И лечить ее надо как можно скорее. И не спрашивай, откуда я это знаю.

Он вздохнул. Открыл свой кабинет. Завез кресло.

– Не буду. Спрашивать, – принял он волевое решение.

– Молодец, – похвалил я.

– Потому что я не собираюсь тебя слушать!

– Ну и дурак, – пожал я плечами. – Если взяться за твое заболевание прямо сейчас, можно вылечить практически без последствий.

– Я не буду тебя слушать насчет девушки, – уточнил он. – А печень проверю.

– Мне наверное надо сейчас вскочить и радостно замахать руками? – зевнул я. – Честно говоря, мне все равно, что ты сделаешь. Только сначала отстегни эти «ремни безопасности», которыми меня твоя шизанутая подружка к креслу приклеила, а дальше хоть все с крыши прыгайте – вместе или по одному.

Он усмехнулся, надел перчатки. Отстегнул ремни.

– Не боишься оставаться со мной наедине без своей бодигардши и галоперидола? – оскандился я, разминая затекшие руки.

– Не-а, – он снова усмехнулся. Совсем страх потерял, что ли?! – Ты добрый. Вон, заботишься обо мне... Хотя и не помнишь моего имени.

– Это у меня на нервной почве.

– Хорошо, спрошу как меня зовут, когда тебе полегчает.

– Нет, я не об этом. Я о заботе о ближнем – это точно верный признак того, что я не в себе. А вот как раз не помнить имен тех, с кем я работаю – мое обычное состояние.

– Ну ты мудака!

– Именно. Помоги мне перебраться на диван. А ты что, не помнишь, как тебя зовут? И давно?

– Алекс, иди спать уже! – он подхватил меня под локоть, но я нагло повис на нем всем телом. Не то чтобы я совсем не мог идти, но... черт возьми, я действительно не спал трое суток! И эта истерика меня, кажется, доконала. Нервы у меня и так, мягко говоря, не очень, но сейчас они были даже не на пределе, а далеко за ним. Голова кружилась, ноги подкашивались, с пульсом творилось что-то невразумительное. У человеческих сил есть свой лимит. Кажется, сегодня я его исчерпал. Если не ушел в минус.

– Иду, – даже не стал спорить я. – Только давай твою фройляйн подождет. Я без нее все равно не усну.

– Я сейчас тебе морду набью, честное слово! – у него аж руки задрожали. Ничего себе она его зацепила!

– Ну чего ты взбеленился? – сложно говорить спокойно, висая на человеке, которого от тебя трясет, но я честно старался.

– Да то, что это моя девушка!

– Да хоть бабушка! Я, кажется, ясно дал понять, что мне абсолютно все равно, кто у вас тут чем, с кем, когда и в какой позе занимается... Ну кроме каких-нибудь необычных случаев – но это мне интересно с точки зрения науки. Также я ясно дал понять, что она меня как женщина не привлекает и на секс с ней я не претендую ни под каким предлогом. А теперь скажи, что в моих словах вызвало у тебя столь неадекватную реакцию.

Он сдавленно зарычал.

– Ты мудака!

– А ты повторяешься. И потом, ты нелогичен. То ты сходишь с ума от ревности, то злишься из-за того, что я не считаю твою женщину секс-символом.

– А с чего ты тогда сказал, что без нее не уснешь?!

– Колыбельную она мне споет, твою мать! – господи, ну почему я не ушел домой вчера вечером?! – А у тебя голос противный!

Он хотел что-то ответить, но я уже «поплыл» – его черты лица снова начали терять очертания, из-под кожи показались мышцы, кровеносные сосуды и прочие прелести. Ну только ведь успокоился!

– Слушай, ты, Ромео! – зашипел я. – Вы оба меня достали за сегодня, ты слышишь? Я не спал трое суток и, между прочим, не потому, что играл в игрушки или смотрел порнуху! Оставьте меня в покое со своей заботой и идиотскими разборками и уже займитесь делом! Твоя женщина меня не интересует – я не только ее имени не помню, я не помню, как она выглядит! Она меня волнует только как транспорт, который везет мне успокоительное, без которого я физически не могу заснуть!

Ему стало стыдно. Выражение его лица я не видел, зато видел, что сердце стало сокращаться чаще, надпочечники устроили вброс адреналина в кровь, сосуды слегка расширились, то есть он сейчас, судя по всему, должен покраснеть. Видимо, так и случилось – он попытался отвернуться, чтобы я не видел его лица. Гениальный ход!

Конечно же, у него ничего не получилось. Во-первых, трудно отворачиваться от человека, который на тебе висит и которого ты укладываешь на диван. Во-вторых, лица его я и так не видел. А в-третьих, оно мне было совершенно без надобности.

– Вы тут еще не поубивали друг друга? – ну наконец-то, я думал, этого никогда не случится!

– Тетя доктор пришла, нам колес принесла! – обрадовался я.

– Принесла, не ори, – она открыла ящик стола и поставила туда два коробка, за которые я сейчас готов был душу продать – хоть дьяволу, хоть Волан-де-Мору, хоть Уитцилопочтли.

– А почему туда? – не понял я. – Если для того, чтобы обрести надо мной власть, могу подсказать пару других симпатичных способов!

Она заперла ящик на ключ и ключ убрала во внутренний карман своего пиджака.

– Очень неразумно! – прокомментировал я. – Даже если бы ты его проглотила, я бы его все равно достал. Пусть даже пришлось бы тебя резать.

– Открою тебе секрет – есть много способов достать инородный предмет из человеческого тела, не разрезая его.

– Можно и фисташки есть очищенные, – парировал я. – Только вот какой смысл? А удовольствие?

– Ты маньяк!

– Нет. Просто я не признаю полумер. И потом, я не терапевт. Ну и маньяк, наверное, тоже, – подумав, согласился я. – Ты вот мне другое скажи – ты ключик убрала во внутренний карман, ты реально думала, что меня это остановит?

– Нет, – улыбнулась она, – я на это даже не надеялась.

– Тогда... На что?

– Я также не думала, что тебя остановит тот факт, что я – девушка твоего друга. Но зато тебя остановит вот это, – она снова достала шприц.

– Это я тут маньяк?! – завопил я. – Да ты сама – маньяк!

Я попытался вскочить с дивана, но ее сообщник вцепился в меня с силой киношного зомби. Я подумал, что в кино обычно герой в такой момент «восстает из пепла» и расправляется с целой толпой зомбяков одной левой, даже если правую у него вообще оторвали. Выглядит эффектно. И в принципе, это можно объяснить с точки зрения медицины – мол, адреналин хлынул в кровь и все такое... Не просто же так в экстремальной ситуации люди делают то, что вообще кажется невозможным. Одно «но». Когда я смотрел такие фильмы, мне вот всегда было интересно – а что, до того, как героя уже почти сожрала толпа зомби, ситуация была недостаточно экстремальной? Где был весь его адреналин, когда они его мочили, как котенка? И почему этот прилив сил он ощутил уже тогда, когда от него уже почти ничего не осталось?

Так вот, то ли у меня больше не осталось адреналина, то ли сценарий моей жизни писал какой-то неудачник, ни хрена не смысливший в законах жанра, но никакого прилива сил я не ощутил. Нет, рвануться-то я рванулся, но только для того, чтобы повиснуть кулем на руках своих пленителей. В ушах зазвенело, в глазах потемнело и... все. Что было дальше – понятия не имею, так как я уже при этом не присутствовал.

Глава 2

Очнулся я в больничной палате – с капельницей и невнятным чувством тревоги. Хотя о чем я, наверное все, кому доводилось терять сознание при подобных обстоятельствах, при пробуждении испытывают то же самое. Типа, что это за капельницы и вообще – где я?! И как я здесь оказался? И что произошло?!

То, что я в больнице, я как-то догадывался. Вопрос – в какой? И, черт возьми, что в этой капельнице?

Неизвестностью я промучился недолго – как только я созрел для того, чтобы открепить капельницу и отправиться на поиски ответов на уже успевшие накопиться вопросы (а они успели не просто накопиться, они множились и множились, распирая черепную коробку изнутри и взрывая мне мозг), дверь открылась и на пороге появилась моя недавняя мучительница.

– Гуттен морген, майне кляйне фюрер! – поздоровался я. – Прости, что не встаю и не могу поприветствовать по всей форме – мне какой-то дурак какую-то хрень к руке прицепил, – кивнул я на капельницу.

– Рада, что тебе лучше, – вздохнула она.

– Ну это смотря с чем сравнивать, – пробурчал я. – Если брать время до вашего появления – то мне и было ничего так...

– Ну да, конечно, – усмехнулась она. – Именно поэтому ты упал в обморок от истощения.

– Что? Я упал, потому что ты вколола мне галоперидол.

– Алекс, – она села в кресло напротив кровати. – Никакого галоперидола не было. Я набрала в шприц успокоительного, чтобы ты мог спокойно поспать. А галоперидол, если ты помнишь – психотропное.

– Помню. Очень хорошо, – насупился я. – А еще я помню, как ты мне им угрожала.

– Не без повода, – даже не попыталась отрицать она. – Но колоть бы тебе его не стала.

Не стала бы, как же! А мне все эти утренние игрища, конечно же, примерещились!

– Что со мной?

– Истощение. В капельнице глюкоза. Ты когда последний раз ел?

Я попытался пожать плечами.

– Блестяще! – она возвела очи к галогеновой лампе на потолке. – Ты когда-нибудь пытался думать головой?!

– Нет, она у меня для других целей, будешь себя хорошо вести – покажу. Сколько я был без сознания?

– Без сознания – не очень много. Большую часть времени ты проспал.

– Хорошо, – главное сейчас не раздражаться. – Сколько я проспал?

– Двое суток.

Я присвистнул.

– А ты...

– Нет, я не все время была здесь. Я только что пришла, – ага, а я так сразу раз и поверил. Она неожиданно сузила глаза: – Как меня зовут?

– Ну начина-а-ется! – возмутился я. – У вас тут что, эпидемия? Не помните своих имен – записывайте, что ли, или бейджи с собой носите. Кстати, а ты почему без бейджа?

– Алекс, не дури. Я правда начинаю беспокоиться, – явно занервничала она. – Как меня зовут?

– Мегера. Фурия. Ведьма.

– Алекс!

– Нет, Алекс – это меня так зовут. А тебя зовут именно так, как я сказал, – она закатила глаза. – Но некоторые глупые люди иногда почему-то называют Вероникой, – добавил я после паузы.

Она вздохнула с облегчением.

– Ты меня когда-нибудь с ума сведешь, – простонала она.

– Или ты определишь меня в сумасшедший дом, – предположил я. – Что вернее. Позови своего Ромео, кто-то же должен принимать ставки! Кстати, где он?

– Работает.

– Какой молодец! – одобрил я. – А ты чего прохлаждаешься?

– У меня обед! – рявкнула она. – Вот, зашла навестить больного сотрудника!

– А вот и зря. В обед надо обедать. А то начнешь буяннить в туалете и в обмороки падать, как некоторые...

Она поднялась.

– Хотела спросить, что тебе нужно, но раз у тебя и так все в порядке, то я пойду.

– Стоп! – как-то слишком резко выкрикнул я. – То есть, если у меня все в порядке, то мне ничего не нужно?! Мне очень много чего нужно! Мне нужен телефон, нужно узнать, кто мне звонил в 6:30 утра, узнать, где я нахожусь, в каком качестве, и когда меня отсюда выпустят. А еще мне нужно домой и еще лучше – в отпуск!

Вообще-то судя по тому, что у нее без видимых причин обнажились вены, а за ними – вся кровеносная система, мне нужен психиатр. А ей кардиолог.

– А тебе с твоей гипертонией надо перестать пить кофе, – посоветовал я.

– Так, все, ты мне надоел, – выдохнула Ника. – Значит, так. Ты в больнице. В частной палате. Не в психиатрии, если тебя это утешит... Держать тебя никто не собирается, ты здесь в качестве сотрудника, который переутомился на работе и нуждается в отдыхе.

– А почему палата частная?

– Потому что ты здесь в качестве очень ценного сотрудника, – поморщилась она, – который переутомился на работе и нуждается в отдыхе.

– А почему тогда тут девок нет? Какой отдых без девок? Ну если я такой ценный сотрудник...

– Видимо, не настолько! – сверкнула она глазами.

– Ага, поэтому они прислали тебя. Окей, будем довольствоваться тем, что есть. Стриптиз танцевать умеешь?

– Алекс!

– Ну ладно, хотя бы капельницу топлесс поменяй, что ли...

– Могу вставить катетер тебе в уретру, – мстительно сузила она глазки.

– Какие у вас извращенные фантазии! – покачал я головой.

– Это не фантазии, это я умею делать профессионально.

– О времена, о нравы! – щелкнул я языком. – Вот в наше время девушки стыдились в таком признаваться... А ваша мама знает, чем вы занимаетесь?

– Алекс, тебе уже говорили сегодня, что...

– Что я мудака? Нет, я же спал! И мне снились эльфы, единороги и зубные феи. А они даже слов таких не знают, в отличие от тебя, гадкой девчонки! Так что ты первая. Гордись.

– Уже горжусь. И еще у меня нет гипертонии.

– Значит, будет. Если будешь просиживать ночи у постели больных мудаков, заниматься разнузданным сексом на работе и практиковать садомазохизм. Или хотя бы общаться со мной.

– Значит, так. Если ты считаешь, что я к тебе зашла по доброй воле, то...

– То я провидец. Нострадамус. Мессинг.

– То ты – самовлюбленный психопат, считающий, что всё должно вертеться вокруг него!

– Я как раз не считаю, что это самое «всё» должно вертеться, – возразил я, – и все-таки оно вертится... И я говорю это не потому, что вдруг возомнил себя Галилеем, а...

– ...а потому что ты – самовлюбленный психопат.

– Нет. Потому что у меня голова кружится. А ты – хреновый врач, – констатировал я. – Зашла к пациенту с нервным срывом и вымотала ему все оставшиеся нервы. Все, уходи, я тебя больше не люблю. И передай главному по девочкам, чтобы в следующий раз прислал блондинку с во-о-от такой грудью.

Она так хлопнула дверью, что мне даже на какую-то секунду показалось, что она обиделась. Неужели по поводу груди комплексует? Да ну, не может быть! Если бы я был женщиной и у меня была бы такая грудь, я бы...

Опять хлопнула дверь. Вернулась?

– Не надейся, – процедила она сквозь зубы. – Я тебя все так же ненавижу. Телефон тебе принесла.

Я чуть не вскочил с койки.

– Не дергайся, не твой.

– А чей? Твой?

– Нет. Служебный. Шеф передал – на тот случай, если тебе срочно надо позвонить.

– Спасибо.

– Твою симку туда уже вставили, – она говорила таким холодным тоном, что меня даже начало немного знобить.

– Еще раз спасибо. Что ты так смотришь? Да, не удивляйся, я умею быть вежливым. И кстати, если ты обиделась из-за того, что я сказал про грудь, извини.

– Забыли.

– Нет, я серьезно. Я не знал, что ты комплексуешь по поводу груди.

– Я не комплексую!

– И правильно. С грудью у тебя все в порядке.

– Спасибо!

– Даже ого-го как в порядке! Мне вообще непонятно, почему ты стала работать психиатром, а не рекламировать женское белье...

– Алекс!

– Что?

– Да ничего! – взорвалась она. – Было б неплохо, если бы у кого-то с головой было бы все так же в порядке!

– Не, моей голове до твоей груди далеко, – вздохнул я. – И потом, что за дикое сравнение? Ну было бы у меня с головой все так же в порядке, как у тебя – с грудью. И что бы я ей рекламировал? Шапки?

Она устало опустилась на стул.

– Боже мой, как же я была счастлива эти два блаженных дня! – простонала она. – Ты еще поспать не хочешь?

– Нет.

– Тогда просто помолчи! Хотя нет – позвони кому надо, а потом еще поспи.

– Ника... – прищурился я. – А можно личный вопрос?

– Нет!

– И все же я его задам.

– Кто б сомневался! Давай, валяй, только быстро, у меня времени мало.

– Я тебя так сильно волную?

– Началось!

– Ты принесла мне телефон и настаиваешь, чтобы я кому-то позвонил. То есть, ты проверяешь, есть ли у меня кто-то, кому я должен позвонить после двухдневного отсутствия и как минимум сказать, где я и что со мной...

– Алекс, мне совершенно безразлично...

– Тогда почему ты еще здесь?

Она вскочила, как ошпаренная.

– Да потому что... Ты мне уже весь мозг вынес! Мне самой уже скоро галоперидол понадобится! И место в клинике! В психиатрической!

– Что за шум, а драки нет?

О-о-о-о! Шеф как всегда вовремя. Меня все время удивляло, как человек умудряется всегда появляться в нужное время в нужном месте – качество, которого я напрочь лишен. Если я в школе прогуливал уроки, то обязательно встречал где-нибудь на улице директора, который совершенно случайно на день раньше вернулся с командировки. Если я устраивал дома вечеринку, обязательно в ее разгар возвращались родители. То, что я не воплотил все анекдоты про мужа, внезапно вернувшегося из командировки, объясняется только тем, что не женат и предпочитаю не иметь отношений с замужними женщинами – именно по причине моего фантастического «везения». Да что там, у меня даже дар в свое время пробудился в такой момент, когда... Впрочем, это отдельная история, я ее расскажу позднее.

Так вот, а мой шеф – полная противоположность. Все в его жизни происходит своевременно. По аналогии – если он решал прогулять урок, то тут же оказывалось, что урок отменили, преподаватель заболел или вообще школу закрыли – и он всегда выходил сухим из воды, даже не пошевелив для этого пальцем. Имея на руках одну-единственную шпаргалку, он вытягивал нужный билет. Первый раз в жизни заходя в клуб, он совершенно случайно познакомился с дочерью миллионера, которая тоже в этом клубе первый раз в жизни и также совершенно случайно нуждается в помощи. К его чести, он никогда не покупал лотерейные билеты и не играл в азартные игры – не хотел испытывать судьбу. А судьба была к нему благосклонна – он получил престижное образование, удачно женился и сколотил неплохое состояние, и все это без особого труда. Возможно, конечно, во мне говорит зависть, но... черт возьми, так и было!

Однако эта теория фантастического везения моего босса дает мне повод полагать, что я действительно очень ценный сотрудник. Ведь получается, что с тем, что я у него работаю, повезло не мне, а как раз ему!

– Как самочувствие? – бодро спросил шеф. Он так светло и радостно улыбался, словно его заклятого конкурента насмерть сбила машина. Причем, сразу после того, как этот самый конкурент переписал на него все свое состояние.

– Лучше, чем у ребят из морга, – фыркнул я.

– Хм... Судя по твоему виду, не намного, – посочувствовал он.

– Это просто на вашем фоне так кажется. Кстати, никогда не заходите к больным сотрудникам с таким цветущим видом, – посоветовал я. – Во-первых, это вызывает зависть, а во-вторых, вы так очень напоминаете сытого рабовладельца, загонявшего своего раба до полусмерти.

– Что, это правда так выглядит? – опечалился босс, всегда придающий большое значение своему внешнему виду и особенно – впечатлению, которое он производит на окружающих.

– Ну в случае со мной – да, с нас с вами просто картину писать можно. А если бы я еще был черный, а у вас во рту была сигара, а в руке – хлыст, м-м-м! – мечтательно замычал я. – Мы бы столько денег заработали на социальной рекламе! Ну или хотя бы на иллюстрациях к слезливым романам Бичер-Стоу. Хотя и так тоже ничего.

– Алекс, ты меня поражаешь широтой своего кругозора, – рассмеялся шеф.

– Рад, что хоть чем-то еще могу вас поразить, – кивнул я.

– Да ладно, не приbedняйся, – подмигнул он. – Ты своей работой меня несколько раз на день поражаешь... Да и не только меня.

– Ну то работа, – вздохнул я. – Мне за нее деньги платят. А вот за кругозор – нет.

– Алекс, не наглей, я тебе и так плачу больше, чем положено...

– Так я и не жалуюсь, я так, размышляю... И кстати, работаю я тоже больше чем положено – вот, у меня свидетели есть, – парировал я.

Он кивнул. Снова жизнерадостно улыбнулся. Вот ведь носорог – ничем его не проймешь!

– Я по поводу твоей работы и хотел поговорить.

– Что? Я уволен?

– Не надейся! – его улыбка стала еще жизнерадостнее. – Я хотел тебя премировать и отправить в отпуск. Ты как на это смотришь?

– Ну премировать – не кремировать, как я могу на это смотреть, – усмехнулся я. – Может, кто поблагороднее отказался бы от денег в пользу страждущих, но это вы не по адресу зашли. Я считаю, что труд каждого человека должен быть оплачен, а мой – тем более. Тогда и страждущих станет меньше, и я без бабла не останусь. Если хотите – такая вот у меня модель Вселенского Равновесия.

– Поддерживаю, – одобрил босс. – Значит, отдыхай, набирайся сил, а как только тебя выпишут – смотайся в отпуск. Желательно подальше от тех, кто сможет тебя побеспокоить.

Может, он еще сказал бы что-нибудь хорошее, но у него зазвонил телефон, и он спешно вышел.

– Ник, принеси мне кофе... – попросил я. – И что-нибудь пожрать. Кажется, сегодня мне предстоит насыщенный день...

Ника вскочила, как ошпаренная, замахала руками и буквально взорвалась возмущениями – о том, что ни о каком насыщенном дне речи быть не может, и что мне ничего тяжелого есть нельзя, а глюкозу уже капают, и вообще мне надо спать...

– Ника, я не жрал три дня. И еще два дня тут валяюсь. Итого пять.

Она опять грязно выругалась, обозвала меня самонадеянным имбецилом и, пообещав «чего-нибудь сообразить», вылетела из палаты, оставив меня одного.

Я попытался воспользоваться случаем, чтобы сделать несколько звонков, но не тут-то было. Телефон, который так любезно принесла Ника, лежал на столике, куда я с этой глупой капельницей при всем желании добраться не мог. И я после этого имбецил...

Расстроившись из-за очередной своей неудачи, я как-то незаметно задремал. Но ненадолго – меня разбудил аромат куриного бульона, такой манящий, как если бы... Как если бы я не ел пять дней. К бульону прилагалось удивленное лицо какого-то студента – вот пусть что хотят говорят про мою память, но этого я действительно вижу в первый раз.

– Меня Вероника к вам прислала... – извиняющимся тоном объяснил он свое присутствие. – Велела проконтролировать, чтобы вы все съели...

– Да ладно, контролируй, мне не впадлу, – благодушно разрешил я, принимаясь за бульон. На подносе стояло еще какое-то пюре и, собственно, все.

– Не переживайте, что порции такие маленькие, – проследил он за моим взглядом. – Просто после пятидневной голодовки сразу нельзя есть много...

Вот зря он мне это сказал. Я оторвал взгляд от непонятного продукто-сочетания и посмотрел на того, кто это принес – вернее, на того, кого Ника прислала мне на заклатие. В огромных голубых глазах, спрятанных под оправой очков, которые легко могли стать предметом зависти любого ученика Хогвардса, светилось желание осчастливить все человечество. Господи, где же таких незамутненных еще берут?!

– Парень... – осторожно спросил я, – а ты кто такой?

Сейчас окажется, что он псих. Не иначе. Ну хоть убейте меня, не может быть у здорового человека такого незамутненного взгляда! Может, я, конечно, слишком цинично отношусь к людям...

– Я? – растерялся мальчишка. – Я из психиатрического отделения...

– Этого я и опасался... – нет, не цинично. Вполне себе объективно. Как они того заслуживают.

– Да нет, вы не так поняли! – сконфузился он. – Я не пациент! Я интерн, практически доктор...

– Ну во-первых, если из психиатрического, то доктор ты или пациент, особого значения не имеет, они там все одинаково шизанутые. Так что опасался я правильно. И во-вторых, если ты интерн, ты не практически доктор, а только теоретически. А это большая разница, поверь моему опыту.

Очкарик вздернул нос.

– Меня предупредили, что с вами нелегко общаться.

– А зачет автоматом обещали поставить, если выдержишь десять минут?

Паренек надулся, как будто я назвал его любимую рок-группу галимой попсой.

– Я же сказал, я интерн, а не студент, – стараясь сохранить хладнокровие, процедил он.

– Ну тогда полчаса.

– Интернам зачеты не ставятся, – очень спокойно объяснил он.

– Бедолаги, – посочувствовал я.

– Интерн – это дипломированный врач, – пояснил он «для тупых».

– Ну хорошо, доктор, – согласился я, приступая к бульону. – Тогда раз вы здесь все равно пока сидите, дадите мне консультацию?

– Если ваш вопрос по моему профилю, то разумеется...

– Я вас умоляю, вы интерн, какой у вас может быть профиль! – он сверкнул глазами. Ой мальчик, как же ты собираешься с психами работать? – Ну ладно, ладно, – пожалел его я. – Конечно, по вашему, что ж я, не понимаю, что ли...

– Слушаю вас, – он произнес это с таким плохо скрываемым чувством гордости, словно ему предстояло спасти галактику от инопланетных захватчиков. Или хотя бы страну, да ладно, что там – эту самую больницу – от террористов. Причем, террористом, само собой разумеется, был я, а он – единственным в мире переговорщиком. Ну если не единственным, то самым лучшим. И если он завалит переговоры, то – там-тарарам! – все, что он любит и во что он верит, взлетит на воздух.

Нет, ну в чем-то он был прав. Я, конечно, не террорист и не инопланетный захватчик, но в случае провала переговоров его сертификату действительно грозит полный там-тарарам, не зря же Ника его ко мне определила, так что его поступок можно назвать вполне себе героическим.

– Доктор... Мне в последнее время снятся странные сны, – признался я. – Хотя, может, они и не странные, я ж не психиатр. Мне снится, что я режу людей.

– Вы издеваетесь? – прищурился он.

– Не без этого, – не стал отрицать я. – Но такие сны мне и правда снятся. Можете проверить на детекторе лжи или еще на каком-нибудь аппарате, фиксирующем мозговую активность, когда пациент лжет – не знаю, как у вас, докторов, такая штукавина называется.

– Еще что-нибудь?

– То есть, этого мало? – удивился я. – Это в порядке вещей, да? То есть, это нормально, что мне снятся не пьянки с эльфами, не секс с Мэрилин Монро, не полеты в космос, а то, что я режу людей? Ну слава богу, а я думал, вдруг что-то психическое...

– И как часто вам это снится? – сдался ученик Хогвардса.

– Пьянки с эльфами? Никогда.

– Часто ли вам снится, что вы режете людей? – бедолага, тяжело же ему было в учении, наверняка был жертвой всех студенческих розыгрышей. Ну как можно быть таким серьезным в таком юном возрасте?!

– Часто. Ну может, не каждый день, но раз в неделю точно.

– И после чего вас посещают такие сны?

– Чаще всего это бывает как раз после того, как я... режу людей. Ну, не всегда, конечно. Бывает, режу, режу, целыми днями режу, и ничего. А под конец недели нет-нет, да и приснится. Вот я думаю, может, это что-то психическое? Или просто переутомление...

Ученик Хогвардса недоверчиво поджал губы.

– Позвольте уточнить, что именно вы вкладываете в понятие «резать людей»? Хочу быть уверенным, что мы с вами подразумеваем одно и то же.

– Что подразумеваете вы, я не знаю, – пожал плечами я. – А вот я в это понятие вкладываю то же, что и все – люди лежат, я их режу.

– Хорошо, – кивнул «доктор». – И как часто вы этим занимаетесь?

– Да практически каждый день. Иногда даже без перерыва на обед. Вот выпишете меня – снова пойду резать... Да ну, доктор, неужели вам не интересно? – не выдержал я. Мой оппонент возмущенно сопел, не произнося ни звука. – И вы не попытаетесь меня проверить, а вдруг я говорю правду? Ну может, конечно, и нет, может, я просто над вами издеваюсь. Ну а вдруг правда? Вдруг я маньяк-убийца? И ваше бездействие повлечет за собой вереницу ужасных преступлений...

– Про вереницу хорошо сказал, – в дверях показалась Вероника. Ну вот, умеет же все обломать!

– Я всегда хорошо говорю, – кивнул я. – А твой студент нифига не разбирается в медицине.

– Он не студент, он интерн.

– Тем более. Студенту было бы еще простительно. А этот должен был все проверить, спросить, как я режу, чем и где... И хотя бы узнать род занятий! Я уже не говорю о том, что он даже не глянул в мою медкарту! И это называется «практически доктор»?! Да я ему kota кастрировать не доверю!

– И не надо, у него другая специализация, – не повела бровью Ника. – Кстати, твоя работа к кастрации котиков стоит намного ближе... Знакомся, – повернулась она к смущенному недоучке, – Алекс Лето, лучший хирург нашей больницы, – мальчишка стал пунцовым. – И он действительно режет людей.

– Вот молодец, пояснила, чем занимается хирург! – похвалил ее я. – А то бы он никогда не догадался – у него же другая специализация в дипломе стоит!

– А еще он редкостная скотина, – добавила Ника. – Но это, я думаю, ты уже заметил.

Парень надулся, явно не зная, как себя вести, но судьба была к нему благосклонна – снова вернулся шеф. Вид у него был все такой же цветущий, но ужасно озабоченный, словно нашему Супермену поступило срочное задание спасти мир, а он еще не позавтракал. И вот он теперь в раздумьях, как же ему поступить – вроде бы и мир в опасности, но кухарка уже накрыла на стол, и рядом с капучино на тарелочке лежит такая ароматная булочка... Но мир... Но булочка... Ах, ладно, ничего с этим миром не случится, ведь он такой большой, а булочка... булочка такая маленькая! Мир подождет! Ну не рухнет же он! Ну не весь же он рухнет...

– Алекс, у нас проблема! – трагично изогнув брови, возвестил он.

– Сочувствую, – кивнул я, передавая Нике пустую тарелку из-под пюре, состав которого я так и не смог идентифицировать. – У меня тоже. Представляете, в больницу загремел. И даже не знаю, на сколько. Ужас, да? Но не страшно, надеюсь, ничего серьезного. Врач у меня толковый, а начальник – просто золото. В отпуск меня отпустил. Так и сказал – набирайся сил, Алекс, и лети отдыхать, да подальше от тех, кто сможет тебя побеспокоить... Душа человек! А у вас что случилось?

– А у нас... Поступил пациент, которому срочно требуется помощь хирурга...

– Как хорошо, что у нас в больнице для таких случаев предусмотрено целое хирургическое отделение! – обрадовался за него я.

– Но это не простой пациент, – приподнял бровь мой начальник.

– А какой? Золотой, что ли?

Шеф кивнул.

– Тогда вдвойне сочувствую, – вздохнул я.

– Алекс...

– Нет.

– Что нет?

– Ну вы сейчас начнете меня уговаривать, типа, «пилите, Шура, пилите, они золотые». Так вот, мой ответ – нет. Никого я пилить... то есть, резать, не буду, хоть золотой он, хоть платиновый, хоть бриллиантовый.

– Алекс, послушай меня...

– Нет. Я не могу. Я на больничном. Мне доктор нервничать запретил, а начальник – работать.

– Алекс! – начал терять терпение он.

– Нет.

– В общем, так, – он сел рядом с моей койкой, проникновенно глядя мне в глаза.

– Вы сейчас похожи на католического священника, который собирается исповедовать умирающего. Вам только такого воротничка специального не хватает...

– Алекс, не дури. Ты не умираешь. А вот пациент – может.

– Так умереть – наука-то не хитрая, это каждый дурак может, – усмехнулся я. – Нашел чем удивить...

– Алекс, пациент – в операционной, – продолжал он взывать к моему человеколюбию.

– Ну это нормально, – пожал я плечами. – Если пациент нуждается в операции, логично, что он находится в операционной.

– Ему нужен ты.

– А мне нужен отдых. Да ладно, что мы с вами как дети канаемся! – вспыхнул я. – Вы сами знаете, что я не могу сейчас работать.

– Простите, – неожиданно взяла слово Ника. – Но Алекс прав. Он не может оперировать!

– Вероника, когда мне понадобится ваше заключение, я обязательно к вам обращусь, – с подчеркнутой вежливостью прошипел босс. Зря она так с ним, он же в бешенстве! – Мы оба знаем, что он может. Алекс не сможет оперировать, только если ему обе руки отрезать. И то как-нибудь выкрутится.

– А у меня есть два свидетеля, что вы мне угрожали! – возмутился я.

Босс устало вздохнул.

– В общем, так. Мне надоели твои пререкания, марш в операционную.

– А отпуск?

– А потом отпуск, – согласился он. – И премия.

– В каком размере?

– А что с пациентом, ты не хочешь поинтересоваться? – ехидно прищурился шеф.

– А что мне интересоваться, я и так его увижу – если буду оперировать. А если не буду, мне это без надобности...

– Если? – просиял босс. – Значит, все-таки будешь...

– А что мне остается, вы же с меня все равно с живого не слезете...

Его вид мгновенно стал таким же жизнерадостным, как до того телефонного звонка. Мир можно не спасать, пускай этим занимаются специально обученные люди, на плечи которых можно переложить ответственность и... вернуться к ароматной булочке с капучино. Прекрасное утро, прекрасное начало дня – в руки сама приплыла золотая рыбка, а сломавшийся накануне аппарат для раскручивания рыбки на пару-тройку лишних желаний уже если не отремонтирован, то хотя бы готов к использованию. Ну не удача ли?

- А дверь от моего кабинета починили?
- Он кивнул. Я закрыл глаза. Выдохнул.
- Ника, отцепи мне капельницу...

Глава 3

Шеф не врал. Рыбка действительно была золотая. В том смысле, что у парня были деньги, и он действительно был готов их потратить. На нас. И в большом количестве. Потому что его лечащий врач сказал ему, что его опухоль не операбельна. И что ни один хирург за это не возьмется. Конечно же, босс за него сразу ухватился. Тем более, что одной операцией тут все равно не обойдется. А он мало того, что будет за все платить, так еще и пожертвование оставит в знак благодарности за то, что мы его вылечим. А мы его вылечим. Так считает мой босс. Мне бы его уверенность... Я вот придерживался совершенно иного мнения – сможем ли мы ему помочь, еще большой вопрос, а вот в суд на нас подать за некачественно проведенную операцию он сможет вообще не напрягаясь. И он его выиграет. Если, конечно, выживет... Потому что, как мне кажется, качественно проведенная операция как-то не предполагает участия в ней хирурга, едва стоящего на ногах. Хотя не знаю, может, я слишком старомоден...

Видимо, не слишком. Или, по крайней мере, я такой не один. Когда я только открыл дверь в операционную, на меня все воззрились с таким ужасом, словно я восстал из мертвых. Причем, не просто из мертвых, а из сильно давно умерших. И вылез не просто из могилы, а из самого ада – прямо из разверзшегося у них под ногами разлома в земле, брызжущего жидкой лавой и, разумеется, серой – куда ж без нее!

– Мне интересно, если я сейчас протяну к вам руки и прохриплю «мне нужны ваши души», сколько из вас навернется в обморок, а сколько просто обделается? – полюбопытствовал я. – Не провожу эксперимента, так как не исключаю также возможность сердечных приступов, инсультов и помутнения рассудка.

– Алекс, ты какого хрена тут... – попытался изобразить хладнокровие Грэм.

– Парень, это к тебе не относится, – сразу пояснил я. – Ты в этот расчет не входишь – по моим предположениям, если я так сделаю, ты мне тупо засветишь в дыню. Даже не от неожиданности, а просто, чтоб не выделялся.

– Вот сейчас у меня очень яркое желание это сделать, – процедил он.

– Отличная идея! – обрадовался я. – Можешь ударить, я даже не обижусь, я все равно на наркотиках...

Чтобы было понятно, Грэм – самый смелый чувак в больнице. Нет, не так – самый смелый чувак, которого я вообще встречал в жизни. Для меня вообще загадка, как он попал в хирургию. То есть, попал в хирургию именно в этом смысле слова. Я бы не удивился, если бы он «попал в хирургию» в качестве пациента, что с ним в свое время случалось неоднократно – после прыжков с парашютом и без того, после выпадения из окон, после автомобильных аварий и даже просто после хороших посиделок с друзьями. Я бы даже не удивился, если бы он «попал в хирургию» (в смысле, в помещение, занимаемое хирургическим отделением) из какого-нибудь стрелкового оружия. Но что заставило этого здоровяка экстремала, прошедшего, как говорится, Крым и Рим, пойти в хирурги, до сих пор понять не могу.

Грэмом его прозвали не просто так. Во-первых, он был громилой – по росту, темпераменту и, как я сильно подозреваю, по роду деятельности. Последнее – разумеется, в прошлом. Во-вторых, потому что он настоящий гремлин – если хочешь купить себе какую-нибудь новую техническую штучку, например, телефон, машину, iPad – все, что угодно, не имеет значения, но сомневаешься, так как старая еще вполне нормально работает, дай ее поюзать Грэму. Ненадолго. Этого времени ему хватит на то, чтобы «убить» ее так, что ни один мастер ее не то, что не соберет – не узнает.

Итак, первая загадка, мучившая меня уже не первый год – это причина, заставившая его принять такое нестандартное решение взять да и пойти в хирурги. А вторая загадка – как этот плод любви Годзиллы и Кинг-Конга, обладающий аккуратностью слона в посудной лавке, умуд-

рывается быть хирургом, причем, одним из самых лучших. Что интересно, ведь он на самом деле ужасно неуклюж. Его не так часто приглашают в гости, потому что он действительно не всегда может распределить себя в пространстве, что в сочетании с огромным ростом и невероятной физической силой влечет за собой катастрофические последствия. И это когда он трезвый. А чуть выпив, он вообще перестает себя контролировать – он тут же ищет драки и приключений. Кстати, это еще одна причина, почему его прозвали Грэм – стоит ему принять хоть несколько грамм спиртного, как у него тут же сносит крышу... А потом крышу сносит у всех ближайших построек, если они оказались недостаточно прочными и к тому же имели несчастье чем-то помешать Грэму.

Но на работе его словно подменяют – его движения точны и аккуратны, он спокоен и невозмутим.

И если он «пытается изобразить хладнокровие», значит, он в таком бешенстве, что лучше ему под руку не попадаться.

Грэм вздохнул, выравнивая дыхание.

– Понятно, – медленно кивнул он. – Приказ?

– Нет, %%%%, жажда крови у меня разыгралась, сижу у себя в палате и думаю – а дай-ка я кого-нибудь порежу, а то без этого кусок в горло не идет!

– Ясно, – кивнул он, нехотя уступая мне место.

Я подошел к столу. Снял перчатки. Прикоснулся к пациенту...

...Мир преобразился. Вернее, исчез совсем. Звуки смолкли, цвета померкли, все вокруг перестало существовать. Был только он – человек, лежащий на столе... То есть, стола, конечно же, тоже не было. И человека в привычном смысле этого слова – тоже. И слов не было. И ничего не было. Был Он. Он был целым миром. И я вошел в этот мир.

В этом мире шла война. Жестокая и беспощадная. И самое жестокое в ней было то, что враг не пришел извне. Он родился и вырос среди таких же, как он, он жил тем же, чем живут все, и его очень долгое время принимали за своего... Но своим он не был. Никогда. Он был иным. И в какой-то момент он осознал свою избранность. И решил доказать всем, что он – инакий. Доказать не самым лучшим образом – просто разрушив все то, что его окружало, чтобы все поняли, что он может это разрушить. И у него это почти получилось. Если бы атака была извне, ее бы отбили. Но его врагом никто никогда не считал. И даже когда он стал все уничтожать, это просто сочли недоразумением, так как не хотели в это верить. Все сделали вид, что ничего не произошло. А он решил, что этого не заметили, и что никто его не воспринимает всерьез. И стал действовать еще агрессивнее.

Когда все, наконец, поняли, кто виноват в разрушениях, и чего ему надо, в мире произошел слом. С ним не стали бороться, ему даже не попытались сопротивляться. Никто. Ни одно живое существо, ни одна клетка. Мир сдался. Сразу. Без единого выстрела. Почему? Вот так вот болезненно отреагировали на предательство.

И это было еще страшнее.

Страшно было то, что из многообразия подобных сценариев этот мир выбрал самый худший. Он мог сопротивляться, и агрессор мог испугаться и отступить или хотя бы остановиться. Он мог сдаться, но агрессор мог утратить к войне интерес и отступить или опять-таки, остановиться. Третий вариант не такой оптимистичный, но все-таки – мир мог оказать сопротивление, что спровоцировало бы агрессора на более жестокие атаки, и он бы стал нападать с удвоенной силой, но сопротивление все-таки было бы, хоть какое... Но тут было все как нельзя хуже – мир сдался, агрессора это взбесило, и он приступил к серии атак, из которых одна была разрушительней другой.

К тому же, из-за того, что мир подписал капитуляцию, постепенно все стало разваливаться само собой, без участия агрессора. И это его подстегнуло – он задался целью разрушить все до того, как оно рухнет, чтобы слава великого разрушителя досталась только ему.

Что это для него было, дело чести или банальное соревнование, сказать сложно, скорее всего, и то, и другое. Что-то его угнетало, по крайней мере, действовал он не всегда осмысленно, что затрудняло процесс предугадывания его поступков.

Хотя... в принципе, понять его можно. Вот жил он себе, жил, внезапно осознал, что он – личность, и тут же осознал, что эта личность никому не интересна. Он старается выделиться, но у него ничего не получается. Тогда он восклицает «Иду на Вы!», но этого тоже никто не слышит. Тогда в следующий раз он восклицает «Идите на!» и идет завоевывать все, что движется. А оно вдруг перестает двигаться, складывает оружие и с рыданиями и причитаниями начинает жечь свои же села и топиться в колодцах. Что ему остается делать? Он расстроен, унижен, обижен – за своих же соотечественников, поскольку рос с ними и не думал, что они такие ублюдки, но отступить уже не намерен – во-первых, как бы он потом с ними жил, а во-вторых – это бы значило, что он такой же ублюдок, как и они. Оставить все, как есть и просто остановиться, упиваясь до конца жизни их унижением – нет, это ему противно. Он рожден для битвы, а не для позора – своего или чужого. И тогда что ему остается? Жечь их села до того, как это сделали они. И казнить. Униженных и сломленных. Казнить за то, что они предатели и ублюдки, за то, что сдались, казнить, потому, что они недостойны жить. Да, в этом нет славы для воина, но... а что еще ему делать? Умереть самому? Это слабость. Только остается ждать, что они воспрянут и дадут отпор... А если нет, тогда... тогда они умрут. И он с ними тоже... Вот бы это произошло как можно скорее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.